На пологой площадке у леса рокотали пули.
На левом фланге у немцев дробно стукотел пулемет, казалось будто по первому молодому льду скачет подзванивая камень, пущенный сильной рукой.
— У-у-у-у-ка-ка-ка-ка-ка!..
— Наступают нам! — словно радуясь выкрикнул Чубатый, прислонясь к ржавому стволу сосны он лениво постреливал по перебегавшим над окопами немцам.
— Дураков учить надо! Учить! — вырвав у Григория руку, задыхаясь закричал Кошевой.
— Сука народ! Хуже! Кровью весь изойдет, тогда поймет за что его по голове гвоздают!
— Ты к чему это? — сощурился Чубатый.
— Умной сам поймет, а дураку... дураку что ему силком не вдолбишь...
— Ты об присяге помнишь? Ты присягал, аль нет? — привязывался Чубатый.
Кошевой не отвечая упал на колени, трясущимися руками сгребал с земли снег, глотал его с жадностью, мелко дрожа, кашляя...

5.

Свой хутор Татарский, по небу, изморосиненному седой облачной рябью колесило осеннее солнце; там вверху тихий ветерок лишь слегка подталкивал тучи, сплавляя их на запад, а над хутором, над темнозеленой равниной Дона, над голым лесом дул он могуче и стрельно, гнул вершины верб и тополей, взрывал Дон, гнал по улицам табуны рыжих листьев. На Христониной гумне взлохматил плохо свершенный скирд пшеничной соломы, ветер вгрызаясь подрыл ему верхушку, свалил тонкую жердь и вдруг подхватив золотое беремя соломы, как на навильнике понес его над базом, завертел над улицей и щедро посыпав пустую дорогу кинул ощетиненный ворох на крышу Степана Астахова куреня. Христонина жена простоволосая выскочила на баз, зажимая коленями юбку поглядела, как ветер хозяйничает на гумне и опять ушла в сенцы.
Третий год войны заметно сказывался на хозяйстве хуторян. Те дворы, где не осталось казаков, ощерились раскрытыми сараями, обветшалыми базами, постепенное разрушение, как плесень, оставляло на них свои неприглядные следы. Христонина жена хозяйствовала с девятилетним сынишкой, Аникушкина баба, ~~можно сказать~~, совсем не хозяйствовала, а по жалмерскому своему положению усиленно ухаживала за собой, румянилась, наводила красоту и за недостатком взрослых казаков принимала ребятишек лет по четырнадцати и больше, о чем красноречиво свидетельствовали дочерна ворота в свое время обильно измазанные дегтем и досель хранившие бурые отличающие следы. Курень Степана Астахова пустовал, окна перед уходом забил хозяин досками, крыша местами ввалилась, поросла лопушат